

А. Куприн

**Суламифь. С улицы. Ученик.
Ночная смена. Корь**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
К92

К92 **Куприн А.И.**
Суламифь. С улицы. Ученик. Ночная смена. Корь / А. Куприн – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 303 с.

ISBN 978-5-517-99275-8

ISBN 978-5-517-99275-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

момъ-Авиемъ изъ Сидона, сыномъ мѣдника изъ рода Нафалимова.

Черезъ семь лѣтъ, въ мѣсяцѣ Булѣ, былъ завершеиъ храмъ Господень и черезъ тринадцать лѣтъ — царскій дворець. За кедровыя бревна съ Ливана, за кипарисныя и оливковыя доски, за дерево певговое, ситимъ и ѳарсисъ, за обтесанные и отполированные громадныя дорогіе камни, за пурпуръ, багряницу и виссонъ, шитый золотомъ, за голубыя шерстяныя матеріи, за слоновую кость и красныя баряиы кожи, за желѣзо, ониксъ и множество мрамора, за драгоценныя камни, за золотыя цѣпи, вѣнцы, шнурки, щипцы, сѣтки, лотки, лампы, цвѣты и свѣтильники, золотыя петли къ дверямъ и золотыя гвозди, вѣсомъ въ шестьдесятъ сиклей каждый, за златоконныя чаши и блюда, за рѣзные и мозаичныя орнаменты, за литыя и изсѣченныя въ камнѣ изображенія львовъ, херувимовъ, воловъ, пальмъ и ананасовъ — подарилъ Соломонъ Тирскому царю Хираму, соименнику зодчаго, двадцать городовъ и селеній въ землѣ Галилейской, и Хирамъ нашелъ этотъ подарокъ ничтожнымъ — съ такой неслыханной роскошью были выстроены храмъ Господень и дворець Соломоновъ и малый дворець въ Милло, для жены царя, краса-

вицы Астисъ, дочери египетскаго фараона Суссакима. Красное же дерево, которое позднѣе пошло на перила и лѣстницы галлерей, на музыкальные инструменты и на переплеты для священныхъ книгъ, было принесено въ даръ Соломону царицей Савской, мудрой и прекрасной Балкисъ, вмѣстѣ съ такимъ количествомъ ароматныхъ куреній, благовонныхъ маслъ и драгоцѣнныхъ духовъ, какого до сихъ поръ еще не видали въ Израилѣ.

Съ каждымъ годомъ росли богатства царя. Три раза въ годъ возвращались въ гавани его корабли: «Фарсисъ», ходившій по Средиземному морю, и «Хирамъ», ходившій по Черному морю. Они привозили изъ Африки слоновую кость, обезьянъ, павлиновъ и антилопъ; богато украшенные колесницы изъ Египта, живыхъ тигровъ и львовъ, а также звѣриныя шкуры и мѣха изъ Месопотаміи, бѣлоснѣжныхъ коней изъ Кувы, парваимскій золотой песокъ на шестьсотъ шестьдесятъ талантовъ въ годъ, красное, черное и сандаловое дерево изъ страны Офиръ, пестрые ассурскіе и калахскіе ковры съ удивительными рисунками — дружественные дары царя Тиглатъ-Пилеазара, художественную мозаику изъ Ниневіи, Нимруда и Саргона; чудныя узорчатыя ткани изъ

Хатуара; златокованные кубки изъ Тира; изъ Сидона— цвѣтныя стекла, а изъ Пунта, близъ Бабъ-Эль-Мандеба, тѣ рѣдкія благовонія — нардъ, алоэ, трость, киннамонъ, шафранъ, амбру, мускусъ, стакти, халванъ, смирну и ладанъ, изъ-за обладанія которыми египетскіе фараоны предпринимали не разъ кровавыя войны.

Серебро же во дни Соломоновы стало цѣною какъ простой камень и красное дерево не дороже простыхъ сикиморъ, растущихъ на низинахъ.

Каменные бани, обложенныя порфиромъ, мраморныя водоемы и прохладныя фонтаны устроилъ царь, повелѣвъ провести воду изъ горныхъ источниковъ, низвергавшихся въ Кедронскій потокъ, а вокругъ дворца насадилъ сады и рощи и развелъ виноградникъ въ Вааль-Гамонѣ.

Было у Соломона 40.000 стойлъ для муловъ и коней колесничныхъ и 12.000 для конницы; ежедневно привозили для лошадей ячмень и солому изъ провинцій. Десять воловъ откормленныхъ и двадцать воловъ съ пастбища; тридцать коровъ пшеничной муки и шестьдесятъ прочей, сто батовъ вина разнаго, 300 овецъ, не считая птицы откормленной, оленей, сернъ и сайгаковъ — все это черезъ руки двѣнадцати приставниковъ

шло ежедневно къ столу Соломона, а также къ столу его двора, свиты и гвардіи. Шестидесятъ воиновъ, изъ числа пятисотъ самыхъ сильныхъ и храбрыхъ во всемъ войскѣ, держали посмѣнно караулъ во внутреннихъ покояхъ дворца. Пятисотъ щитовъ, покрытыхъ золотыми пластинками, повелѣлъ Соломонъ сдѣлать для своихъ тѣлохранителей.

II.

Чего бы глаза царя ни пожелали, онъ не отказывалъ имъ и не возбранялъ сердцу своему никакого веселія. Семьсотъ женъ было у царя и триста наложницъ, не считая рабынь и танцовщицъ. И всѣхъ ихъ очаровывалъ своей любовью Соломонъ, потому что Богъ далъ ему такую неизсякаемую силу страсти, какой не было у людей обыкновенныхъ. Онъ любилъ бѣлолицыхъ, чернглазыхъ, краснотубыхъ хеттеянокъ за ихъ яркую, но мгновенную красоту, которая такъ же рано и прелестно расцвѣтаетъ и такъ же быстро вянетъ, какъ цвѣтокъ нарцисса; смуглыхъ, высокихъ, пламенныхъ филистимлянокъ, съ жесткими курчавыми волосами, носившихъ золотыя звенящія запястья на кистяхъ рукъ, золотыя обручи на плечахъ, а на обѣихъ щи-

колоткахъ широкіе браслеты, соединенные тонкой цѣпочкой; нѣжныхъ, маленькихъ, гибкихъ амморейнокъ, сложенныхъ безъ упрека, — ихъ вѣрность и покорность въ любви вошли въ пословицу: женщинъ изъ Ассиріи, удлиннявшихъ красками свои глаза и вытравивавшихъ синія звѣзды на лбу и на щекахъ; образованныхъ, веселыхъ и остроумныхъ дочерей Сидона, умѣвшихъ хорошо пѣть, танцовать, а также играть на арфахъ, лютняхъ и флейтахъ подъ аккомпаниментъ бубна; желтокожихъ египтянокъ, неутомимыхъ въ любви и безумныхъ въ ревности; сладострастныхъ вавилонянокъ, у которыхъ все тѣло подъ одеждой было гладко, какъ мраморъ, потому что онѣ особой пастой истребляли на немъ волосы; дѣвъ Бактріи, красившихъ волосы и ногти въ огненно-красный цвѣтъ и носившихъ шальвары; молчаливыхъ, застѣнчивыхъ моавитянокъ, у которыхъ роскошныя груди были прохладны въ самыя жаркія лѣтнія ночи; беспечныхъ и расточительныхъ аммонитянокъ съ огненными волосами и съ тѣломъ такой бѣлизны, что оно свѣтилось во тьмѣ; хрупкихъ голубоглазыхъ женщинъ съ льняными волосами и нѣжнымъ запахомъ кожи, которыхъ привозили съ сѣвера, черезъ Баальбекъ, и языкъ кото-

рыхъ былъ непонятенъ для всѣхъ живущихъ въ Палестинѣ. Кромѣ того любилъ царь многихъ дочерей Іудеи и Израиля.

Также раздѣлялъ онъ ложе съ Балкисъ-Македа, царицей Савской, превзошедшей всѣхъ женщинъ въ мірѣ красотой, мудростью, богатствомъ и разнообразіемъ искусства въ страсти; и съ Ависагой-Сунамитянской, согрѣвавшей старость царя Давида, съ этой ласковой, тихой красавицей, изъ-за которой Соломонъ предалъ своего старшаго брата Адонію смерти отъ руки Ванеи, сына Іудаева.

И съ бѣдной дѣвушкой изъ виноградника, по имени Суламиоъ, которую одну изъ всѣхъ женщинъ любилъ царь всѣмъ своимъ сердцемъ.

Носильный одръ сдѣлалъ себѣ Соломонъ изъ лучшаго кедроваго дерева, съ серебряными столпами, съ золотыми локотниками въ видѣ лежащихъ львовъ, съ шатромъ изъ пурпуровой тирской ткани. Внутри же весь шатеръ былъ украшенъ золотымъ шитьемъ и драгоценными камнями — любовными дарами женъ и дѣвъ Іерусалимскихъ. И когда стройные черные рабы проносили Соломона въ дни великихъ празднествъ среди народа, поистинѣ былъ

прекрасенъ царь, какъ лилія Саронской долины!

Блѣдно было его лицо, губы — точно яркая алая лента; волнистые волосы черны изсиня, и въ нихъ — украшеніе мудрости блестяла сѣдина, подобно серебрянымъ нитямъ горныхъ ручьевъ, падающихъ съ высоты темныхъ скалъ Аэрмона; сѣдина сверкала и въ его черной бородѣ, завитой, по обычаю царей Ассирійскихъ, правильными мелкими рядами.

Глаза-же у царя были темны, какъ самый темный агатъ, какъ небо въ безлунную лѣтнюю ночь, а рѣсницы, разверзавшіяся стрѣлами вверхъ и внизъ, походили на черные лучи вокругъ черныхъ звѣздъ. И не было человѣка во вселенной, который могъ бы выдержать взглядъ Соломона, не потупивъ своихъ глазъ. И молніи гнѣва въ очахъ царя повергали людей на землю.

Но бывали минуты сердечнаго веселія, когда царь опьянялся любовью, или виномъ, или сладостью власти, или радовался онъ мудрому и красивому слову, сказанному кстати. Тогда тихо опускались до половины его длинныя рѣсницы, бросая синія тѣни на свѣтлое лицо, и въ глазахъ царя загорались, точно искры въ черныхъ брильянтахъ, теплые огни ласковаго, нѣжнаго смѣха;

и тѣ, кто видѣли эту улыбку, готовы были за нее отдать тѣло и душу — такъ она была неописуемо прекрасна. Одно имя царя Соломона, произнесенное вслухъ, волновало сердце женщинъ, какъ аромать пролитаго мирра, напоминающій о ночахъ любви.

Руки царя были нѣжны, бѣлы, теплы и красивы, какъ у женщины, но въ нихъ заключался такой избытокъ жизненной силы, что, налагая ладони на темя больныхъ, царь исцѣлялъ головныя боли, судороги, черную меланхолю и бѣснованіе. На указательномъ пальцѣ лѣвой руки носилъ Соломонъ гемму изъ кроваво-краснаго астерикса, извергающаго изъ себя шесть лучей жемчужнаго цвѣта. Много сотенъ лѣтъ было этому кольцу, и на оборотной сторонѣ его камня вырѣзана была надпись на языкѣ древняго, исчезнувшаго народа: «Все проходитъ».

И такъ велика была власть души Соломона, что повиновались ей даже животныя: львы и тигры ползали у ногъ царя, и терлись мордами о его колѣни, и лизали его руки своими жесткими языками, когда онъ входилъ въ ихъ помѣщенія. И онъ, находившій веселіе сердца въ сверкающихъ переливахъ драгоценныхъ камней, въ ароматѣ египетскихъ благовонныхъ смоль, въ нѣжномъ прикосновеніи легкихъ тканей, въ

сладостной музыкѣ, въ тонкомъ вкусѣ краснаго искристаго вина, играющаго въ чеканномъ нинуанскомъ потирѣ, — онъ любилъ также гладить суровыя гривы львовъ, бархатныя спины черныхъ пантеръ и нѣжныя лапы молодыхъ пятнистыхъ леопардовъ, любилъ слушать ревъ дикихъ звѣрей, видѣть ихъ сильныя и прекрасныя движенія и ощущать горячій запахъ ихъ хищнаго дыханія.

Такъ живописалъ царя Соломона Иосафатъ, сынъ Ахилуда, историкъ его дней.

III.

За то, что ты не просилъ себѣ долгой жизни, не просилъ себѣ богатства, не просилъ себѣ душъ враговъ, но просилъ мудрости, то вотъ Я дѣлаю по слову твоему. Вотъ Я даю тебѣ сердце мудрое и разумное, такъ что подобнаго тебѣ не было прежде тебя, и послѣ тебя не возстанетъ подобный тебѣ».

Такъ сказалъ Соломону Богъ, и по слову Его позналъ царь составленіе міра и дѣйствіе стихій, постигъ начало, конецъ и середину временъ, проникъ въ тайну вѣчнаго волнообразнаго и круговаго возвращенія событій; у астрономаѣ Библиоса, Акры,

Саргона, Борсиппы и Ниневии научился онъ слѣдить за измѣненіемъ расположенія звѣздъ и за годовыми кругами. Зналъ онъ также естество всѣхъ животныхъ и угадывалъ чувства звѣрей, понималъ происхожденіе и направленіе вѣтровъ, различныя свойства растений и силу цѣлебныхъ травъ.

Помыслы въ сердцѣ человѣческомъ—глубокая вода, но и ихъ умѣлъ вычерпывать мудрый царь. Въ словахъ и голосѣ, въ глазахъ, въ движеніяхъ рукъ такъ-же ясно читалъ онъ самыя сокровенныя тайны душъ, какъ буквы въ открытой книгѣ. И потому со всѣхъ концовъ Палестины приходило къ нему великое множество людей, прося суда, совѣта, помощи, разрѣшенія спора, а также и за разгадкою непонятныхъ предзнаменованій и сновъ. И дивились люди глубинѣ и тонкости отвѣтовъ Соломоновыхъ.

Три тысячи притчей сочинилъ Соломонъ и тысячу и пять пѣсней. Диктовалъ онъ ихъ двумъ искуснымъ и быстрымъ писцамъ, Елиховеру и Ахии, сыновьямъ Сивы, и потомъ сличалъ написанное обоими. Всегда облакалъ онъ свои мысли изящными выраженіями, потому что золотому яблоку въ чашѣ изъ прозрачнаго сардоникса подобно слово, сказанное умѣло, и потому также, что слова мудрыхъ остры, какъ иглы, крѣпки,